

8 МАЯ 1943

Лев ОБОРИН **Замечательный русский пианист**

Семидесятилетие со дня рождения Константина Николаевича Игумнова — крупная дата в нашей музыкальной жизни. Замечательный музыкант, Игумнов является продолжателем лучших традиций русского пианизма. Точнее говоря, московского пианизма. В его игре воплотились глубокое и тонкое знание мира человеческой души, высокая человечность, которые так характерны для творчества именно московской русской композиторской школы. И не случайно Игумнов является вдохновенным интерпретатором фортепианных произведений Чайковского, Рахманинова.

Артистической натуре Игумнова присуще свойство, непремечное для подлинных больших художников, — творческая неповторимость. Безупречный вкус, чувство меры, разносторонняя культура — всеми этими качествами Игумнов наделён в полной мере. И все они лишь сопутствующие особенности его яркого и своеобразного таланта. Играет ли Игумнов пленительные и бесхитривые миниатюры из цикла «Времена года» Чайковского или потружается в романтические глубины монументальных последних сонат Бетховена, сонат Листа, фантазии С-dur Шумана, — всегда и неизменно у него на первом плане стремление постигнуть то философско-поэтическое начало, которое составляет самую сущность музыки.

Общезвестно, что Игумнов — создатель новой школы фортепианного звука. Его звуковая палитра богата, пожалуй, как ни у кого из пианистов, которых мне когда-либо доводилось слышать. Ей присущи и мощные контрасты звучностей и тончайшие нюансы, передающие все движения человеческого сердца. Но никогда краска не становится целью для Игумнова. Меньше всего он художник-импрессионист. Напротив, его не удовлетворяет «звучащая периферия» музыкального произведения. Он неизменно старается проникнуть в самые тайники, в «святое святых» композиторского замысла. Он решительно отбрасывает внешние эффекты, которые так часто приносят исполнителю бурный, но скоропреходящий успех у публики. Его игра скромна и лишена какой бы то ни было внешней аффектации. Это чувство и мысль, слившиеся воедино и подчиненные одной лишь цели — раскрытию высшей красоты искусства.

Строжайший самоконтроль, чёткость и определенность всех творческих намерений, умение предельно ограничить себя в выборе выразительных средств придают трактовке Игумнова черты лаконизма, даже некоторой аскетичности. Это умное немногословие, которое даёт лучшие результаты в творчестве.

Многое в трактовке Игумнова осталось незабываемым на долгие годы. Достаточно напомнить поражающее силой проникновенности исполнение им знаменитой второй части сонаты op. III Бетховена, или h-moll-ной сонаты Шопена, целой вереницы «Песен без слов» Мендельсона, второго рахманиновского концерта, fis-moll-ного вальса Чайковского.

Ученик Пабста и Зилоти, Игумнов — верный хранитель и продолжатель классических традиций русской фортепианной школы. И, вместе с тем, он, как художник,

необычайно инициативен. Его трактовка всегда оригинальна, порой неожиданна. Вспоминается, как однажды на заседании пленума его кафедры в Московской консерватории мы обсуждали разные «исполнительские редакции» этюдов Скрябина. Сравнивались возможные варианты исполнения этих прекрасных произведений. Споров было много. Но когда Константин Николаевич подходил к роялю и предлагал своё толкование того или иного фрагмента, становилось ясно, что это решение не только самое верное, но и такое, какое, при всей своей простоте и очевидности, вероятно, все же никому из нас в голову не пришло бы.

В обширном репертуаре Игумнова совмещается едва ли не вся фортепианная литература — наша русская и западноевропейская. Игумнову принадлежит заслуга восстановления в пианистическом обиходе многих превосходных вещей, давно почему-то исчезнувших с эстрады. Так, именно он своей замечательной интерпретацией положил начало возрождению фортепианного Чайковского в нашей концертной практике. После долгого перерыва, Игумнов первый начал вновь играть в своих программах незаслуженно забытые произведения Мендельсона, Шумберта.

То, что характеризует Игумнова артиста, типично для него, как для педагога. Игумнов — крупнейшее явление в современной русской фортепианной школе. Он воспитал множество пианистов, в том числе таких, которые завоевали мировое признание. Среди своих сверстников и тех, кто уже в последние годы учился у Игумнова, упомяну Я. Флиера, М. Гринберг, И. Михневского.

Игумнов не любит навязывать ученикам свою художественную индивидуальность. Он стремится воспитать молодого пианиста в том направлении, которое более всего соответствует особенностям дарования данного ученика. Оттого-то все питомцы из игумновской школы так отличаются друг от друга. Но при этом обаяние игумновского артистизма, сила и убедительность его художественных принципов — непреодолимы.

Его воздействие на ученика в годы учения может показаться неприметным. Но проходит какое-то время, и пианист чем дальше, тем всё отчетливее начинает ощущать себя именно «игумновцем». Он прислушивается к звукам, которые извлекают его пальцы из фортепиано, и узнает столь знакомые ему краски игумновского пианизма. Он смотрит на свои руки и узнает столь знакомые ему движения игумновских рук на клавиатуре.

Игумнов никогда не останавливается в своем развитии. Я знаю его вот уже более двенадцати лет. За это время он и как педагог и как интерпретатор прошел громадный путь. Он стал ещё строже, требовательней к себе и к другим как музыкант. Ещё более целеустремлённым сделались в нём поиски больших форм, целостных линий, которые раскрывали бы произведение в его художественном единстве.

Семидесятилетие застаёт Игумнова активным, жизнедеятельным художником. И хочется верить, что ещё долгие годы будет этот замечательный музыкант трудиться во славу родного искусства.